

Мария Архангельская

**Полёт феникса.
Книга 3**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А87

Архангельская М.

А87 Полёт феникса. Книга 3 / Мария Архангельская. – М.: Литнет, 2026. – 290 с.

ISBN 978-5-521-99699-5

Судьба Соньши – роковая игра, где ставка – ее жизнь и судьба детей. Из низов гарема она вознеслась на самую вершину, став императрицей, но этот блестящий трон – лишь вершина опасного айсберга заговоров, ядов и предательства. Внутренний дворец кипит ненавистью, а внешний мир ропщет, требуя ее падения. Любимый муж, император Тайрен, – ее единственная опора в мире, где каждый шаг может стать последним.

В ее прошлом – скандальная тайна, в ее будущем – интриги могущественных врагов. Чтобы сохранить власть, защитить своих детей и остаться собой, Соньши предстоит стать не просто жертвой обстоятельств, а грозной игроком в политической игре, где ставки выше трона. Сумеет ли она обмануть судьбу, переплетенную с судьбой империи, или новое восхождение станет началом ее падения?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99699-5

© Литнет, 2026

© Архангельская М., 2026

Добропорядочный муж кладёт начало делу и оставляет его потомкам для того, чтобы они могли продолжить его. Если же думать об успехе дела, то это зависит от Неба. Что может поделаться с этим государь? Старайтесь же делать добро, вот и всё!

Мэн-цзы

1

*Есть у восточных ворот водоём,
Вымочить можно в том рву камыши.
Цзи, ты собой хороша и мила, –
Поговорить мне с тобой разреши!
Ши Цзин, (I, XII, 4)*

За стеной чей-то высокий резкий голос запел песенку о ненасытной лисе, что сосёт кровь из Сына Неба и скоро лопнет. Я поморщилась. Ведь зарекалась же выходить во внешний двор. Особенно после того, как однажды обнаружила над стеной ряд торчащих голов. Что поделаешь, если я снова стала главной сенсацией столицы, и успокаиваться та не собиралась. Уж очень скандальная и пикантная получалась история. Однако поместье Фэй было невелико, я уже исходила его вдоль и поперёк, и стоило задуматься...

– Госпожа, послать стражу разогнать их? – с надеждой спросила Ле Лан, сопровождавшая меня на прогулке. Одна из тех двух девушек, что достались мне в монастыре.

– Не стоит, – со вздохом отозвалась я. – Все рты не заткнёшь. Да стража и сама, наверное, скоро вмешается.

И верно – песенка оборвалась на втором куплете, а из-за стены донеслись недовольные повелительные голоса. Кажется, мой приёмный отец, Фэй Харрин, принимал моё спокойствие ближе к сердцу, чем я сама. Ну ещё бы – из заштатного аристократа, представителя младшей ветви, в силу слабости здоровья так и не поднявшегося выше седьмого ранга, он в одночасье превращался отца старшей жены императора, а если Тайрену удастся меня дожать, то и императрицы. Тот есть как минимум шестой ранг для него и четвёртый – для его супруги (как ни странно, но матери высокопоставленных обитательниц гарема занимали более высокое положение, чем отцы)

со всеми полагающимися пожалованиями и привилегиями. И это если Тайрен не захочет дать чего-нибудь ещё. А он, скорее всего, захочет – среди недостатков нового императора скупость не числилась.

Как я и предсказывала, спектакль с удочерением никого не обманул: весть, что новоявленная Фэй Шэн-Юэн (Восход Луны – Тайрен, как и положено сыну этого мира, был поэтичен), на самом деле – та самая скандально известная Драгоценная супруга Луй Соньши, облетела столицу мгновенно. Таюнь забурлил. Делегации Тайрену с мольбами одуматься ходили до сих пор, а у поместья Фэй что ни день собирались зеваки. Их гоняли, а они снова собирались. И добро бы просто потешить любопытство. Песенки, ставшие, как я подозревала, столичными хитами, ещё полбеды – но чтобы помешать обливать ворота и стены поместья всяким-разным и разрисовывать похабными надписями, пришлось выставить дополнительных сторожей.

Однако Тайрен был упрям не меньше, чем его отец. Я всё ещё не переселилась во Внутренний дворец только потому, что по здешнему обыкновению ждали счастливого дня – а также потому, что Тайрен не терял надежды уговорить меня принять императорский титул. И я уже чувствовала, как моя решимость настоять на своём и отказаться начала давать трещину.

В конце концов, если уж мне суждено снова поселиться в этом гадюшнике – не лучше ли быть самой главной гадюкой, чем рядовой змеей? Как-то оно... безопаснее.

Моя решимость не входить в гарем вообще разлетелась вдребезги почти сразу по прибытии в Таюнь – и причиной к тому стала не любовь Тайрена, а встреча с Лиутар. Детская память в этом возрасте коротка, а я не видела свою девочку почти год, с прошлого лета. Лиутар не то чтобы шарахнулась от меня, но смотрела как на чужую, а когда ей сказали, что это её матушка, заулыбалась как-то неуверенно и на руки пошла неохотно. Куда охотнее она ухватилась

за нянину руку, когда её уводили в подготовленную для неё комнату, и меня словно облили холодной водой. Сбывалось то, чего я боялась – няньки и воспитатели для моей дочери становились ближе меня, родной матери. Так что же, мне так и предстоит остаться для собственных детей чужой приходящей мамой? Тем более что Тайрен был твёрд: девочку, если захочешь уехать, так уж и быть, можешь взять с собой, но место принца – во дворце. Шэйрен должен расти при дворе, до тех пор, пока не повзрослеет достаточно, чтобы получить собственную резиденцию.

А если у нас родятся ещё дети? Честно говоря, эта мысль не вызвала у меня особого энтузиазма: двоих с моей точки зрения было более чем достаточно. Но я консультировалась с Гань Лу, и он подтвердил то, что я подозревала и сама: противозачаточные тут были, но ненадёжные. Та же императрица Эльм, сдаётся мне, с куда большим удовольствием вообще воспрепятствовала бы зачатиям в гареме и даже пыталась это сделать, вспомнить те же присланные мне курения. Но тем не менее то одна, ту другая девушка оказывались в положении, и приходилось принимать более радикальные меры. Мы же с Тайреном уже возобновили секс-общение, и не приходилось сомневаться, что появление нового ребёнка лишь вопрос времени. Однако вдова – ну, пусть технически ещё не вдова, но бывшая жена императора – не может завести себе нового мужчину и спокойно от него рожать. Это будет не меньший скандал, чем свадьба с сыном бывшего мужа, но если в случае со свадьбой меня хотя бы прикрывает воля императора, но тут не прикроет вообще ничто. Значит, придётся рожать тайно и отдавать ребёнка на сторону, а это меня совсем не устраивало.

Вот так и получилось, что к великой радости Тайрена я сама себя успешно уговорила.

Однако навещал меня Тайрен далеко не каждый день, поскольку был по горло занят своими делами. Усевшись на трон, он, как и многие до него, вдруг обнаружил, что принести благоденствие стране не так уж и просто.

– Казна пуста, – уныло жаловался он мне, когда всё-таки выбирал время навестить, – деньги обесцениваются прежде, чем их отольют. Подати соберут не раньше осени, да и сколько их будет? Империя разорена войной и наводнениями. Чем платить жалование чиновникам и войскам, ума не приложу. Начинаю понимать отца и предков, лишивших придворных титулов за недостаточные подношения трону!

– Что, шкура оленя уже не помогает?

– Да где теперь та шкура? Придворные ноют, что обеднели и оскудели, и даже не все при этом врут. Только гун Вэнь и ван Лэй заплатили в полной мере без жалоб. Демоны преисподней! Я думал, что ненавижу гуна Вэня... Но я оставил его Великим защитником. После всех тех услуг, что он оказал стране и трону, я не могу отправить его в отставку, не говоря уж о чём-то большем!

Я понимающе кивнула. Про вана Лэя спрашивать нужды не было, я уже знала, что его выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку, не лишив ни титула, ни владений. Со стороны царственного племянника это уже была милость, не удивительно, что ван не посмел жаловаться и возражать.

Тем временем царственный племянник потёр лоб и умоляюще посмотрел на меня:

– Слушай... А может ты что-нибудь придумаешь? Как можно пополнить казну? Ты ведь говорила как-то, что твоя страна тоже недавно переживала тяжёлые времена. Как вы справлялись?

Я поперхнулась:

– Тайрен! Я тогда была совсем ребёнком! Я могу тебе сказать, что делала отдельно взятая семья, но что там творили державные мужи, я понятия не имею.

Тайрен уныло кивнул.

– Но, может, ты всё-таки подумаешь? Я не хочу начинать правление с введения новых налогов и увеличения поборов.

– Ну и задачи у тебя. Как пополнить казну без новых налогов и поборов? Тебе не кажется, что это взаимоисключающие условия?

– Но всё-таки? Пусть будет новый налог, но не очень обременительный. Такой, чтобы люди могли его выплачивать. Пусть не сразу, пусть постепенно...

– Тайрен, у тебя для этого есть целое Земельное министерство, неужели там ничего не могут придумать?

– Они думают денно и нощно, но ведь ещё одна голова не мешает, верно? Считай, что я сейчас карп в сухой колее.

Ну да, и предполагается, что помочь тебе так же просто, как отнести карпа в воду. Я честно задумалась, но в мою столь им ценимую голову ничего путного не приходило.

– Я уж думаю, не попробовать ли твой метод... – добавил он.

– Какой?

– Объявить свободу торговли. Ты говорила, что государству оно на пользу.

– В целом да, – признала я. – Но, Тайрен, если ты её объявишь, в первое время станет не лучше, а хуже. Торговцы обрадуются и кинутся собирать раковины и нефрит¹, и народ ещё восплачет по тем временам, когда эти сквалыги знали своё место. Народ бы в любом случае восплакал, но раньше у государства хотя бы был какой-никакой запас прочности. А в такие времена, как наши, свободу торговли порой возникает необходимость прикрутить. Уж слишком легко ею злоупотребить, пользуясь отчаянным положением людей. Я думаю, сперва следует навести в империи порядок, и лишь потом выпустить лошадей из упряжки, и то, наверное, не сразу, а постепенно.

Тайрен кивнул, однако видно было, что его мысль уже заработала. Он вскочил и зашагал по комнате, прикусывая губы, а потом остановился и посмотрел на меня:

– А что, если даровать свободу не всем, а лишь некоторым? Самым богатым, за хорошую цену? Мой дед давал ранги за снабжение, я буду давать право торговать по всей стране без ограничений,

¹ Обогащаться.

любыми товарами в любом объёме! Ну, или почти любыми. Придворные уже заплатили, теперь пусть торгошники растряснут кубышки — я уверен, у многих куда больше денег, чем они указывают в отчётах.

— А попробуй, — одобрила я. — Если лишь некоторым, и не пускать это дело на самотёк, особого вреда, будем надеяться, они не причинят. Тем более что у занимающихся контрабандой все каналы поставок и сбыта уже должны быть налажены, пусть вылезают из тени.

— Но, боюсь, свои доходы они будут занижать, как и прежде, — вздохнул император.

— Они так и так их занижают, пусть хоть разово заплатят. И... может быть... — я помолчала, обдумывая внезапно возникшую идею. — Может быть, попробовать ввести гербовую бумагу?

— А что это?

— Это в моей стране когда-то было — такая специальная бумага с гербом, стоившая дороже обычной, и все денежные документы, все сделки, все завещания и прочее можно было писать только на ней. Получалось, что любая сделка сразу же облагалась налогом — небольшим, но постоянным.

— У нас сделки заключаются не на бумаге. Для этого использую бирки.

— Хорошо, пусть будут гербовые бирки. Сделай их дешёвыми, чтобы люди могли их покупать без особого труда, даже небогатые. И можно ещё сделать цену... — я запнулась, не найдя эквивалента слову «прогрессивный». — Можно как у торговцев — чем крупнее сделка, тем дороже бирка. Если человек покупает, скажем, дом за тысячу таэлей, уж как-нибудь и дополнительный таэль на бирку найдёт.

— Хм, — Тайрен задумчиво постучал пальцем по подбородку. — Что-то в этом есть. Но, боюсь, большинство предпочтёт вообще отказаться от бирок, чем платить за них.

— Люди всегда пытаются увильнуть и платить меньше, ничего не поделаешь. Придётся твоим чиновникам надзирать ещё и за этим. И, знаешь... запрети учреждениям принимать любые решения без

гербовых бирок или бумаг. Ведь и завещания, и дарственные, и всё прочее нуждаются в утверждении властей, так? Или суды – пусть не берутся за дела, если стороны не могут подтвердить сам факт законности заключения сделки! Хотите обойтись без бирки – отлично, но на свой страх и риск, что в случае любых разногласий вам никто не поможет их уладить.

– Я же знал, что ты что-нибудь придумаешь! – Тайрен с широкой улыбкой хлопнул меня по плечу.

– Только я не знаю, что делать, если и их начнут подделывать, как монеты...

– Ну, это просто – свидетели, – отмахнулся Тайрен. – Без них и так ни одно дело не обходится.

Окрылённый Тайрен умчался во дворец воплощать в жизнь новые идеи, а я решила ещё разок прогуляться. Сидеть в комнатах было душно, куда лучше я чувствовала себя в открытых галереях или в беседке над неизменным прудом. И ветерком обдувает, и от летнего солнца крыша защищает. Вот так и начинаешь понимать, что кондиционер – великое изобретение человечества. Увы, здесь бы доступен только ручной кондиционер типа «веер».

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая черепичные крыши в рыжеватые тона. Скоро меня позовут ужинать в общий зал, и это будет единственный раз за день, когда я встречу с приёмными родителями. Ни они, ни я не стремились наладить более близкое общение. Возможно, они были неплохими людьми, но мы оставались чужими друг другу, и ничего, кроме формального родства и достаточно шкурного интереса с обеих сторон, нас не связывало. Пожилая пара со мной была любезна до приторности, я старалась вести себя почтительно, как положено дочери, но по своим комнатам мы расходились с чувством облегчения. Я так точно.

Как же всё-таки хорошо, что моя будущая сверковушка так и продолжала обретаться в монастыре! Я не заговаривала с Тайреном на эту тему, но навестивший меня однажды Гюэ Кей, занявший